

ISSN 0201-7539

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

XVI

1976



С.П.Поляков

КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ СЕЛЕНИЯ УНДЖИ (предварительное сообщение)

В полевой сезон 1976 г. Таджикским отрядом Среднеазиатской археолого-этнографической экспедиции (СААЭЭ) Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова продолжалось изучение культовых и погребальных сооружений населения Северного Таджикистана. Работы проводились в селении Унджи, расположенном на территории Ходжентского района Ленинабадской области Таджикской ССР, в 7 км к востоку от областного центра.

По преданию, бытующему среди местного населения,¹⁾ история селения связывается с именем известного суфийского шейха Муслихиддина, жившего в XIV в. Ему и его родственникам, якобы, принадлежала земля, на которой расположен в настоящее время Унджи, здесь же находилась его летняя резиденция.

В настоящее время жителей селения насчитывается около 10000 человек, административно он разделен на 28 махалля, 25 из которых считаются таджикскими и 3 — узбекскими. По своему происхождению таджикское население неоднородно. Выделяется три компонента: аборигены, т.е. люди "всегда жившие здесь", жители окрестных селений, переселившиеся в различное время в Унджи, и таджики, переехавшие сюда из г. Ленинабада (бывшего Ходжента).²⁾ Узбекское население также разнородно. Оно складывалось, вероятно, где-то с XVIII в. из разных групп, пришедших из Киргизии, Узбекистана и из южных районов Таджикистана.³⁾

1) Полевые записи Среднеазиатской археолого-этнографической экспедиции (СААЭЭ) исторического ф-та МГУ за 1976-1977 гг. Архив кафедры этнографии.

2) Там же.

3) Там же.

такое количественное и территориальное (имеются в виду истоки формирования) соотношение этнических групп позволяет сделать вывод об абсолютном преобладании во всех сферах общественной жизни и материальной культуры населения северо-таджикских традиций.

По распросным данным, в первой трети XX в. в Унджи было около 25 мечетей, 2 мадраса и немногим меньше 20 мазаров. За время работы нами было выявлено 14 мечетей (из них две пятничные) и 10 мазаров в виде строений. Кроме этих "святых мест" местным населением на территории селения почитались несколько деревьев, родник, несколько больших камней и просто "святые места", где были устроены небольшие светильники. Некоторые мазары, например, мазар Еобо Ходжа Авлиё, пользовались известностью за пределами Унджи.

Такое большое количество культовых мест дает основание отнести Унджи, по принятой нами классификации,⁴⁾ к предгородским культовым центрам, где традиционность (точнее, консерватизм) быта сохранялась значительно дольше, нежели в менее значимых по части религиозного культа селениях.

Изучение сельских культовых сооружений делает только первые шаги. Соединение вседино разбросанного в различных изданиях значительного материала, его систематизация и классификация даже в рамках Северного Таджикистана — дело будущего.

Цель данной публикации значительно скромнее — дать предварительный анализ культовых сооружений одного, хотя и крупного, селения и показать ценность этого материала не только для изучения религиозных представлений недалекого прошлого, но и более широкого круга вопросов, связанных с историей культуры таджикского народа.

Мечети. Из 14 зафиксированных мечетей описаны и обмерены 11.⁵⁾ Формально-типологическая классификация унджин-

4) С.П. Поляков, А.И. Черемных. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана. Сб.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., Наука, 1975, с.275.

5) Остальные три мечети за последние 30-35 лет неоднократно перестраивались и реконструировались. Их первоначальная планировка полностью изменена.

ских мечетей проведена по расположению айвана относительно закрытого помещения мечети и его (айвана) форме.

Первую группу составляют четыре мечети (рис. I). Такой тип мечети принято называть "хивинским". В Унджи это главная мечеть Миена. Расположена она в центре селения (в 20 м к западу от нее находится здание мадраса, используемое в настоящее время под склад). Это самая крупная из сохранившихся в Унджи мечеть. До недавнего времени около мечети сохранялся комплекс с тахорат и гуслухона — с баней, цементированным бассейном и худжрой.

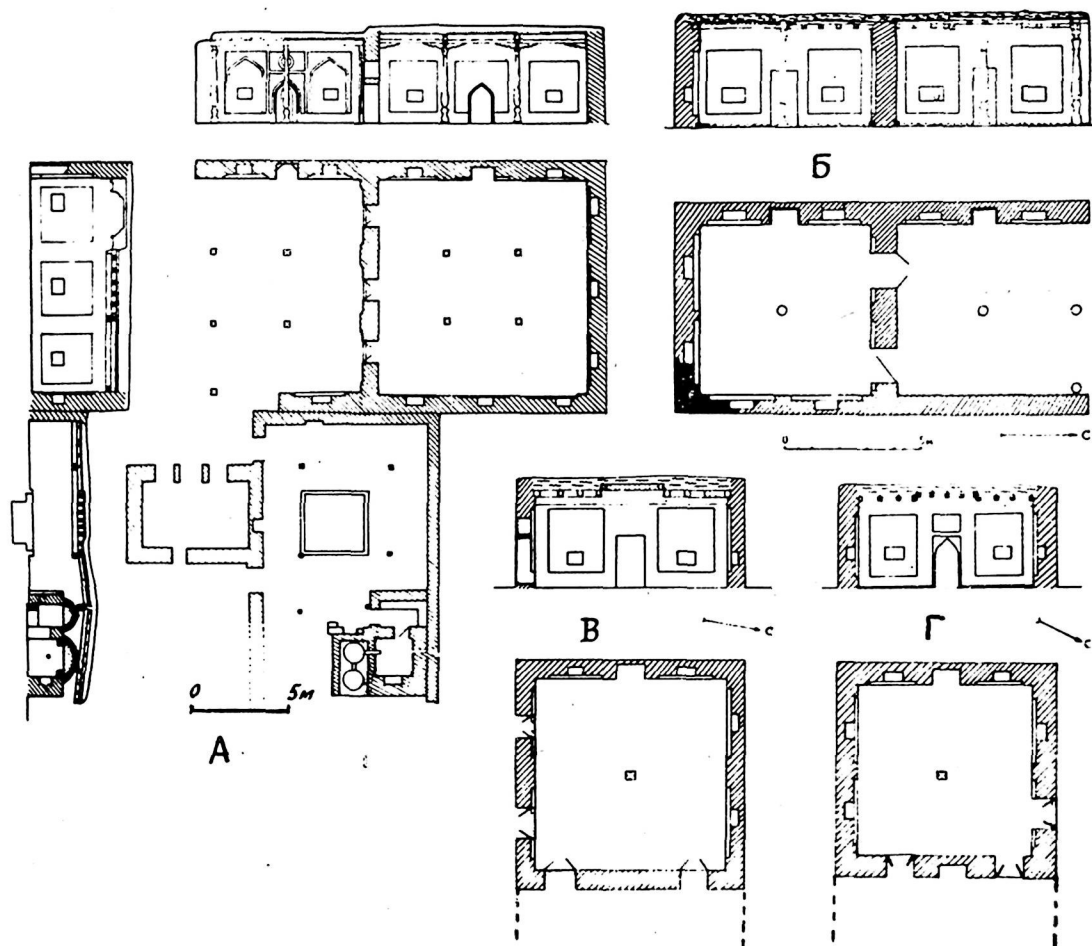


Рис. I. Унджи. А — мечеть Миена; Б — мечеть Узденко; В — мечеть Богда Калон; Г — мечеть Джой Калон.

Внутри закрытого помещения мечети 4 сравнительно новые колонны с незаконченной резьбой. Айван, примыкающий к закрытому помещению с юга, имеет 5 колонн, из которых две синхронны колоннам в закрытом помещении, а три более старые. Насколько можно судить по характеру резьбы на колоннах, состоянию колонн, по характеру и состоянию росписи на потолке айвана – айван значительно старше закрытого помещения мечети. Западная стена айвана богато декорирована росписью по ганчу и штампованным ганчевым бордюром. Характер росписи стен айвана общий для западных районов Ферганы. На разновременность постройки закрытого помещения и айвана указывает и соотношение их высоты – айван ниже. Обычно в Унджи айван несколько выше закрытого помещения. Закрытое помещение Миены, судя по надписи на потолке, построено в 1881/82 г. В то же время или немного позднее были сооружены тахоратхона и гусльхона, т.е. баня и бассейн, сохранившие свой первоначальный вид. Эти помещения находились под одной крышей, опиравшейся на 6 простых колонн.

Две другие мечети этой группы – Боги Калон и Джой Калон – по размерам меньше, они одноколонные. Айваны не сохранились и восстанавливаются лишь частично по остаткам фундаментов и "айванными площадкам", которые несколько возвышаются над уровнем земли.

Последняя, четвертая мечеть этой группы – Узбеко. Она находится в одноименном квартале, населенном узбеками. Конструктивно она не отличается от двух предыдущих таджикских. Сохранность ее значительно лучше. Для ремонта айвана мечети Узбеко использована, судя по ее сохранности и резьбе, колонна из какого-то несохранившегося сооружения.

Мечети этой группы объединяет и форма михраба. В трех из четырех случаев (кроме михрабов мечети Миена) они прямоугольные в плане.

Вторую группу представляют две мечети (рис.2): Суфи Джонбой и Луччакон. Особого внимания заслуживает айван Суфи Джонбой. Его потолок великолепно расписан и опирается на 4 резные колонны, которые намного старше колонн, установленных в закрытом помещении мечети. Последние, как и в мечети

Миена, неоконченны – резной узор только гачат. Потолок закрытой части мечети Джонбой не расписан. Объединяет эти мечети и форма михрабов в закрытых помещениях, они пятигранные в плане.

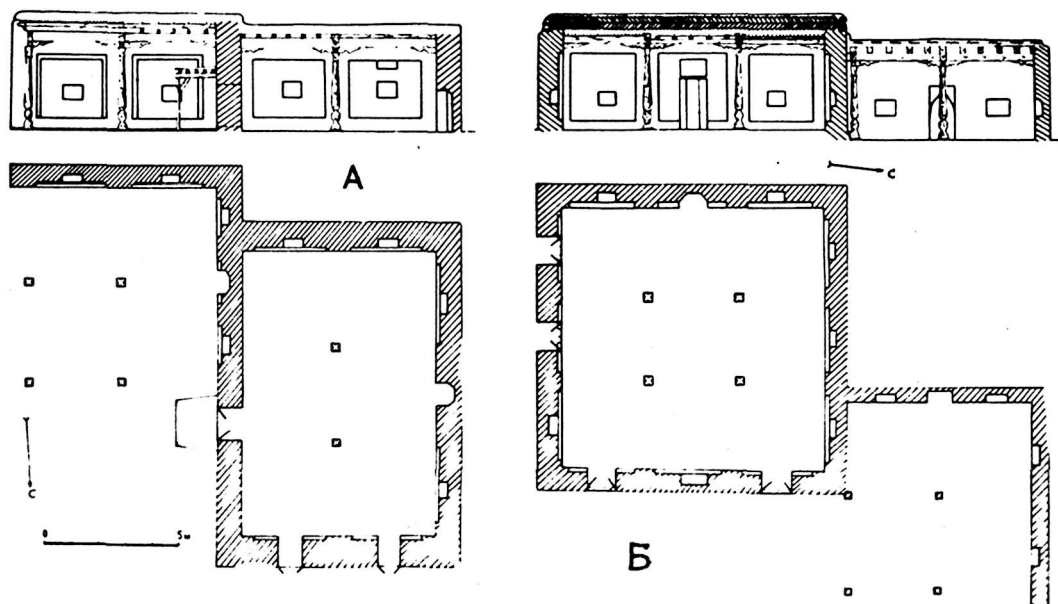


Рис. 2. Унджи. А – мечеть Суфи Джонбой; Б – мечеть Луччакон.

Третья группа мечетей (рис.3) наиболее многочисленная – пятничная мечеть Чамбил, Ходжаи Исак, Девонаи Чела, мечеть Ишанов и мечеть Актепа, расположенная на западной границе кишлака.

Самая крупная из них Чамбил. К закрытому помещению примыкает большой шестиколонный айван. С восточной стороны перед айваном (рис.3,Б) сложены очаги для приготовления ритуальной пищи. Колонны айвана украшены резьбой, а потолок – росписью. Декор закрытого помещения значительно скромнее.

Мечеть Девонаи Чела имеет меньший трехколонный айван, а ее закрытое помещение почти полностью повторяет план и размеры мечети Чамбил. Аналогична двум предыдущим конструкция и площадь закрытого помещения мечети Ишанов, айван ее не сохранился, от него уцелела только часть западной стены.

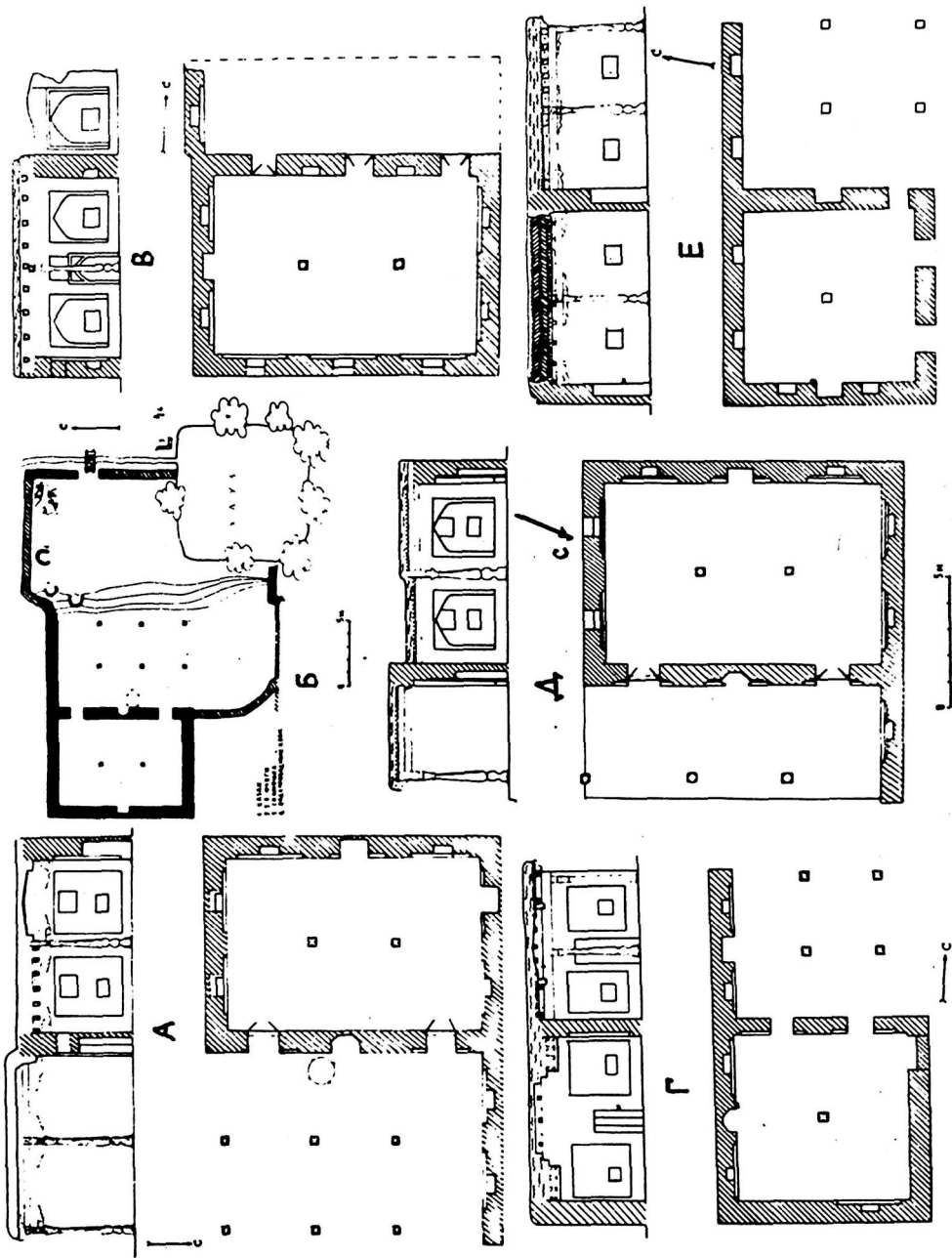


Рис. 3. Унджи. А - мечеть Чамбил; Б - участок мечети Чамбил; В - мечеть Ишанов; Г - мечеть Ходжон Исак; Д - мечеть Девонаи Чела; Е - мечеть Актепа.

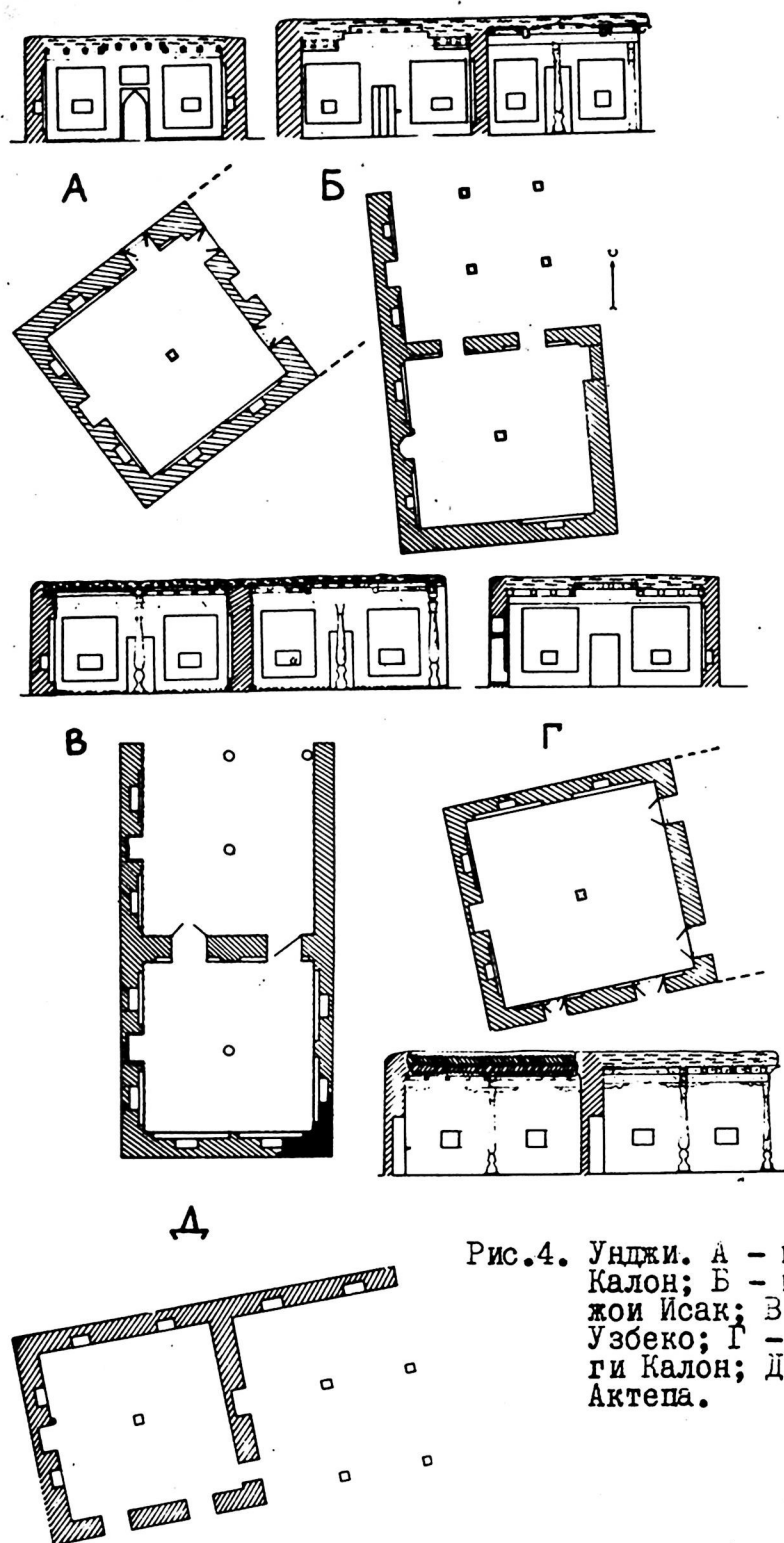


Рис.4. Унджи. А - мечеть Джой Калон; Б - мечеть Ходжой Исак; В - мечеть Узбеко; Г - мечеть Богои Калон; Д - мечеть Актепа.

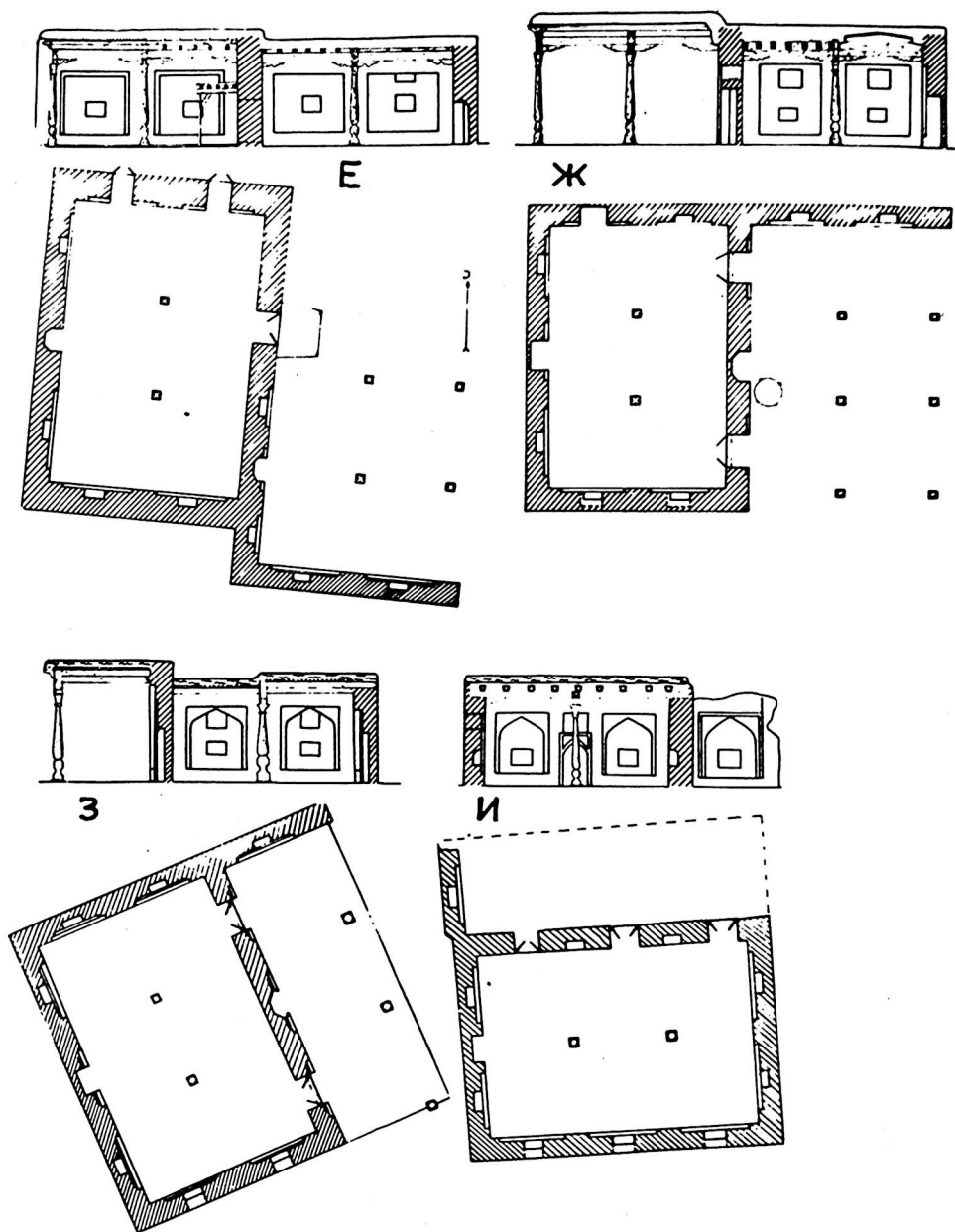


Рис. 4а. Унджи. Е – мечеть Суфи Джонбой;
 Ж – мечеть Чамбил; З – мечеть
 Девонай Чела; И – мечеть Ишанов.

Закрытые помещения и айваны мечетей Ходжои Исак и Актепа сохранились полностью. Большой интерес представляет декор Ходжои Исак. Роспись потолка айвана выполнена в необычной для Унджи манере. Форма михрабов мечетей этой группы двух видов – прямоугольные и пятигранные в плане.

Приведенная формально-типологическая классификация унджинских мечетей не позволяет выделить какой-либо "унджинский" тип. Мечети этого селения достаточно разнообразны.

Сходную картину дает и другая классификация, в основу которой положен размер закрытого помещения мечети, определенный количеством установленных в нем колонн.

Наиболее многочисленная группа одноколонных мечетей – их 5 (рис.4, А–Д). Почти не уступают им по количеству двухколонные (рис.4, Е–И). Две мечети – Миена и Луччакон имеют в закрытых помещениях по 4 колонны (рис.5).

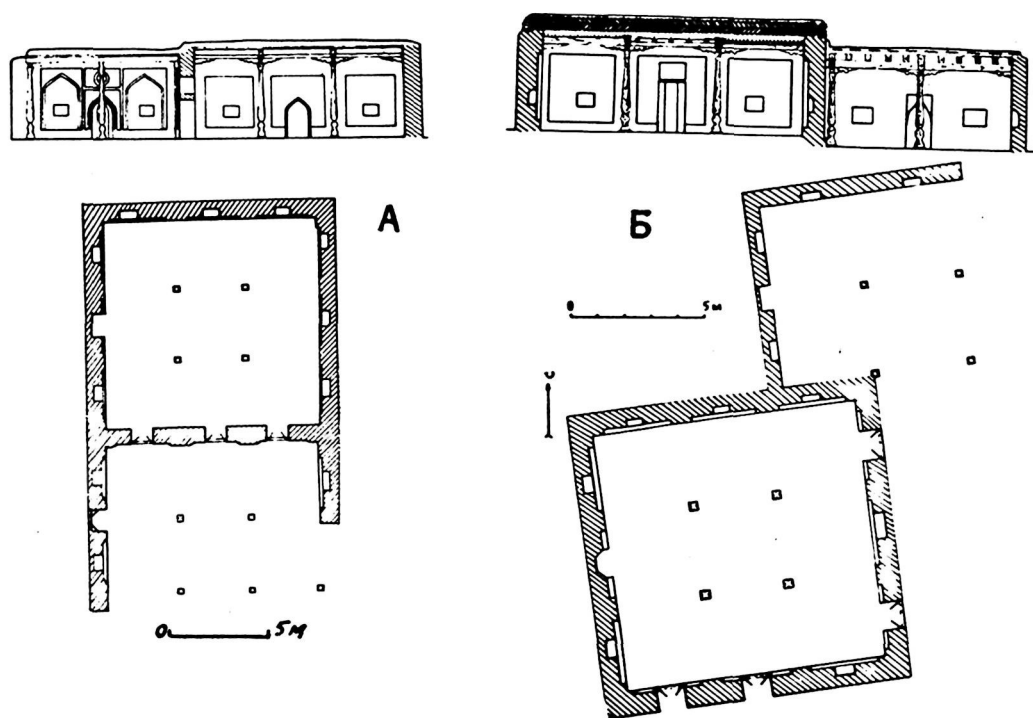


Рис.5. Унджи. А – мечеть Миена; Б – мечеть Луччакон.

Обращают на себя внимание абсолютные размеры закрытых помещений мечетей – в каждой группе они практически одинаковы. Мало различаются и их абсолютные высоты (рис. 4) за счет разности толщины крыш. Высота потолков, т.е. высота колонн с подбалками внутри закрытых помещений одинакова (не считая поднятий потолка перед михрабами) и колеблется в пределах 325–345 см, составляя в среднем 335 см. Эта величина соответствует высоте двух ферганских кулачей (каждый кулач равен 166–170 см) или 3 бухарским газам (каждый газ 106,68 см).⁶⁾ Этот размер (335 см) положен в основу архитектуры всех зданий унджинских мечетей, т.е. он является строительным модулем. Он применяется при определении абсолютных площадей мечетей независимо от количества колонн. Если мечеть одноколонная, квадратная в плане, то длина каждой ее внутренней стены равна двум модулям, т.е. 6,7 м, с незначительными отклонениями в ту или другую сторону. При двухколонных мечетях длина прямоугольника увеличивается на один модуль. В этой связи четко проявляется закономерность соотношения высоты, длины и ширины зданий унджинских мечетей – высота закрытого помещения мечетей относится к его длине и ширине при одноколонной конструкции как 1:2:2, при двухколонной – 1:3:2 и при четырехколонной – 1:3:3. Аналогичное соотношение размеров фиксируется и в конструкции айванов, высота которых, как правило, больше высоты закрытых помещений.

Пока еще не ясно, чем определен абсолютный размер модуля, время его возникновения или появления в районе Унджи. Не исключено, что он был принесен какими-то пришлыми мастерами или заимствован местными зодчими. Возможно и его местное, ходжентское происхождение.

Понятнее обстоит дело с выяснением относительного размера модуля, т.е. тем реальным строительным и архитектурным

6) А.К. П и с а р ч и к. Меры длины, употреблявшиеся ферганскими мастерами-строителями. Сб.: Материальная культура Таджикистана. Вып. I. Душанбе, 1968, с. 239; Е.А. Д а в и д о в и ч. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., Наука, 1970, с. 112, 119.

элементом, которым определяются размеры здания — это высота колонны. Об этом свидетельствует одинаковая высота всех унджинских мечетей, независимо от размеров их площадей.

Модуль использовался не только в определении общей площади здания. Ему строго следовали и при внутренней отделке помещения мечети — диагонали больших декоративных ниш (рис.6) в мечетях Унджи равны высоте зданий или модулю. В большинстве обследованных зданий диагонали маленьких, или "рабочих" ниш составляют $1/4$ часть модуля (рис.6) или высоты помещения. Все это делало внутреннее оформление закрытого помещения и айвана мечети гармоничным и легким для восприятия даже без какого-либо полихромного декора.

Сложнее определение времени постройки мечетей и давности "святости" мест, на которых они построены. Если исходить из дат, которые имеются на потолках некоторых мечетей, они сооружались в период с 1880-х по 1914–1915 гг. Выше уже отмечалось, что отдельные детали или части строений по своему внешнему виду, степени сохранности, тщательности и завершенности обработки далеко не синхронны. Создается впечатление, что большинство айванов древнее закрытых помещений. В качестве примера можно сослаться на главную мечеть кишлака — Миену. Ее айван по характеру росписи потолка, его конфигурации, по оформлению колонн и росписи стен несомненно древнее закрытого помещения. Закрытые помещения отделаны не столь тщательно и примитивнее айванов. Не исключено, что перестройка или новое строительство этих частей мечетей, которое приходится на конец XIX — нач. XX вв. вызвана укреплением позиций официального, "государственного" ислама, необходимым царскому правительству для контроля над умами местного населения. В этой связи могло произойти (в данном случае в Унджах), как и в большинстве присоединенных к России районах Средней Азии, "очищение" ислама от доисламских, в том числе и зороастрийских традиций и верований. Это "очищение" в первую очередь должно было коснуться официальной, видимой и овеществленной части религии — мечетей, которые, как об этом свидетельствуют материалы из горных районов Северного Таджикистана, сохранили много черт, а порой и просто копировали алоухона. В то же

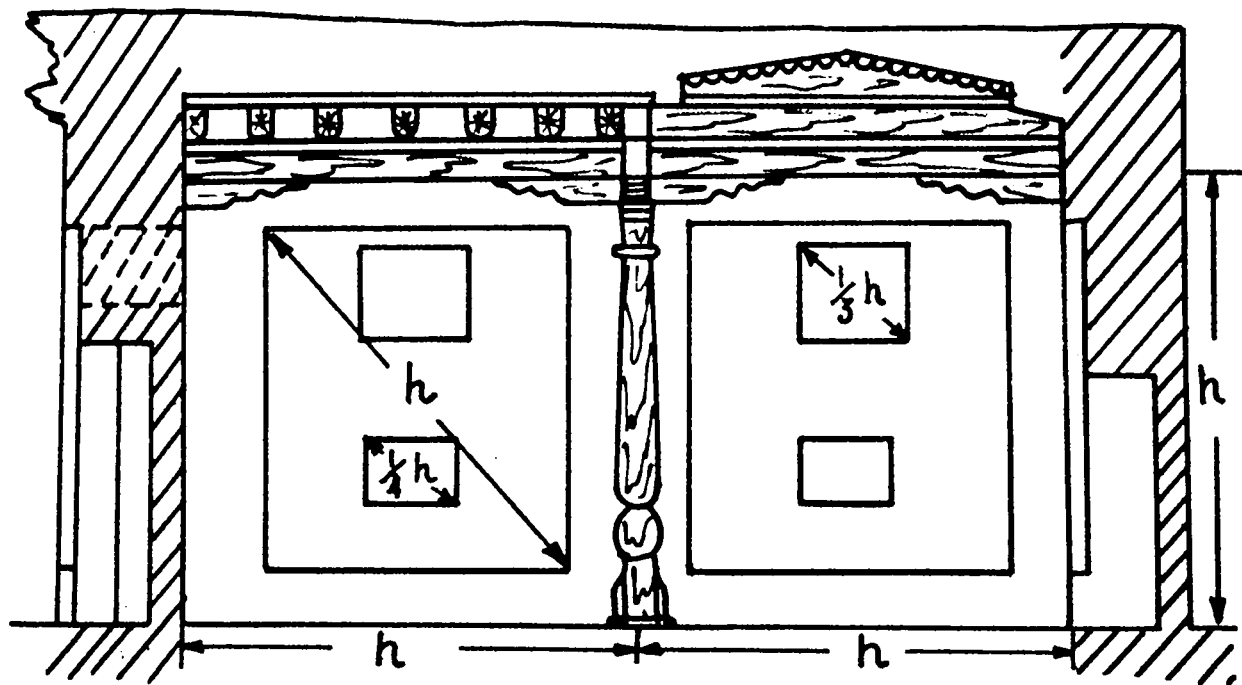


Рис. 6. Унджи. Пропорции деталей интерьера мечетей Унджи.

время при перестройке мечетей старые местные традиции в архитектуре и строительной технике несомненно преобладали. Изымались лишь крамольные очаги в мечетях. Их выносили во дворы, как например, в мечети Чамбил.

Выяснить все эти вопросы, дать на них точные и аргументированные ответы можно лишь при археологическом и архитектурно-технологическом изучении памятников конца XIX — нач. XX вв.

Вторая группа культовых зданий селения Унджи — мазары — по своим конструктивно-планировочным особенностям более однородна (рис. 7). Все здания с купольными перекрытиями. Из

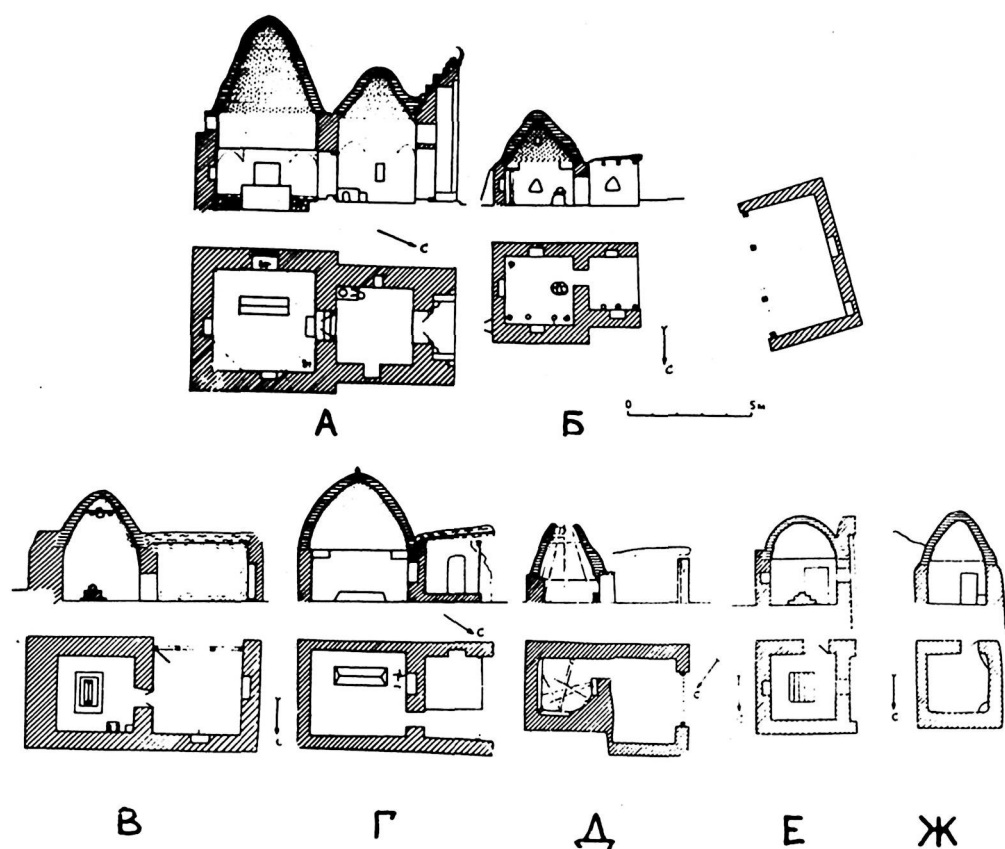


Рис. 7. Унджи. А — мазар Бобо Ходжа Авлие; В — мазар Халжи Холоз; В — мазар Черер; Г — мазар Дено-най Чела; Д — мазар Гумбаз; Е — мазар Чиль-духтарон; Ж — мазар Актепа.

семи обследованных мазаров пять имеют купола луковичной формы, один — Гумбаз — перекрыт шатровым куполом и один — Чильдухтарон — имеет купол в виде полусферы.

Пять мазаров двухкамерные и два — Актепа и Чильдухтарон — однокамерные. Самый большой и наиболее почитавшийся мазар Бобо Ходжа Авлие (рис. 7, А). Расположен он в самом центре селения, неподалеку от главной мечети Миена. По сообщениям местных жителей, в 100–120 м к востоку от мазара, там, где теперь находится школа, еще 25 лет назад было большое и самое старое в селении кладбище.

Здание мазара с северной стороны оформлено высоким порталом, наверху которого положены камни (15–20 см), рога горных козлов и баранов. В первом меньшем помещении справа от входа находится очаг-светильник, покрытый толстым слоем копоти. Во втором южном помещении находится надгробие в виде пирамидки (саганы). В северной, торцовой стене надгробия сделана треугольная ниша, в которой зажигают лучинки или свечи. В западной стене южного помещения некогда был вход, превращенный в настоящее время в нишу (михраб?), в которой лежат рога горных козлов и хвосты яков. Слева от входа в южное помещение на полу в углу стоит трехрожковый светильник.

Конструкция остальных четырех двухкамерных мазаров Унджей (рис. 7, Б–Д) отличается от конструкции мазара Бобо Ходжи Авлие. Они состоят из закрытого купольного помещения и примыкающего к нему открытого с одной стороны айвана. Такая планировка мазаров имеет много общего с планами некоторых унджинских мечетей.

В двух мазарах — Девонаи Чела и Ходжи Чорер — айваны выполняют функции мечетей, в них молятся. Перед одним из наиболее почитаемых мазаров — Ходжа Холос (рис. 7, Б) — сооружен специальный айван для совершения намаза.

Последний двухкамерный мазар Гумбаз в очень плохом состоянии и в последние годы почти не посещается. Его айван закрыт решеткой, в нем нет михраба и используется он сейчас для хранения погребального инвентаря.

Однокамерные мазары Актепа и Чильдухтарон по планировке идентичны. Чильдухтарон отличается лишь наличием портала,

который устроен с западной стороны, а не со стороны входа, и наличием надгробия-кенотафа, установленного на том месте, где якобы ушли под землю 40 девушек.⁷⁾

За исключением мазара Ходжи Холос все остальные расположены или на существующих кладбищах или, как мазар Бобо Ходжа Авлие, на недавно существовавших некрополях. Обособленность Ходжи Холоса следует объяснять тем обстоятельством, что он не связан, как другие мазары в Унджи, с культом предков. В мазаре Ходжа Холос почитается камень, или точнее соединенные глиняным (?) раствором и перемешанной с хлопковым маслом копотью, несколько камней. Какую бы то ни было связь этого мазара с погребальным культом установить не удалось. Мазар считается "наиболее женским", чем остальные. Мужчины в Унджи посещают мазары очень редко. Ходжи Холос "помогает" от многих недугов, в том числе и от бесплодия. В этом мазаре наиболее сильно проявляется культ камня, который широко представлен в горных районах Северного Таджикистана и Ферганской долины. Следует отметить, что почитание камней в этом районе не несет на себе печать этнической принадлежности. Этот культ в одинаковой мере присущ таджикам и узбекам, живущим в этом районе. Наряду с мазаром Ходжи Холос, он виден и в камнях на портале Бобо Ходжа Авлие, в небольших камешках на окне мазара Чильдухтарон, в камнях, положенных на крышу Чорера и в целом ряде других.

В заключение следует отметить важное обстоятельство — отношение верующих людей к рассматриваемым категориям культовых сооружений. Недействующие мечети не пользуются сколько-нибудь заметной заботой и вниманием. Они ремонтируются (как правило, ремонт не идет дальше установки подпорок под потолочные балки) скорее по инерции и в утилитарных целях для сохранения помещений для хозяйственных нужд. Закрытые помещения используются под склады (далеко не всегда общественные), сушилки и т.п. Примеров равнодушного отношения к зданиям мечетей можно привести очень много и не только в Унджи. Особенно четко это проявляется у молодого поколения.

7) Полевые материалы СААЭЭ за 1970 г.

Совершенно по-другому относятся к мазарам. Их "святость" сохраняется и они, за исключением Актепа и Гумбаза, находятся в хорошем состоянии. Доисламские культы оказались наиболее живучи, нежели ортодоксальный ислам.

Ни в коей мере не претендуя на полноту объяснения такого явления, в качестве одной из причин может служить следующее.

Во-первых, после того как были ликвидированы экономические, политические и социальные причины, позволяющие исламу выступать единственно дозволенной формой идеологии и образа жизни, материалистическое мировоззрение в силу известных причин не могло сразу завладеть умами вчерашних "правоверных" мусульман. Образовался некий вакуум, который и заполнился старыми доисламскими верованиями и представлениями. Эти верования отлично сосуществовали с официальным исламом и были просто прикрыты мусульманской завесой, дабы придать "язычеству" благочестивый вид. Одним из видов "язычества" и были в Унджи (как части значительно более широкой историко-культурной области) культ предков и культ камней.

Во-вторых, хранителями этих "доисламских" верований, как показывают наши материалы, были женщины, которых официальный ислам лишил права публичного отправления культа и которые жили домашними религиозными представлениями. Мазары в этих представлениях занимали одно из главных, а часто и ведущее положение, овестьствляя религию вообще. Особенно важно и то обстоятельство, что женщины имели право посещать эти "святые" места независимо от того, где они расположены — на кладбище или в каком-то другом месте.

Эти представления были особо живучи еще и в силу того, что их первыми матери вкладывали в головы детей, в одинаковой мере и девочкам и мальчикам. Мальчики попадали в лоно ислама уже готовыми "язычниками" и на материнские объяснения ложился налет ислама. У девочек, за редким исключением, языческие представления оставались неизменно на всю жизнь единственным видом "ислама".

Заканчивая предварительный анализ культовых сооружений селения Унджи, нужно отметить, что этот вид поздних (а в других местах есть и аналогичные средневековые) памятников незаслуженно обойден исследователями. Те и другие изучались и фиксировались всегда в связи с чем-либо, а не как предмет комплексного изучения. Собранный материал фрагментарный, методически неполный. В лучшем случае фиксировался план и в исключительных случаях делались разрезы закрытых помещений или айванов. Изучение всего комплекса мечетей отсутствует, что не позволяет до конца раскрыть возможности источника.

В этой связи следует вернуться к строительному модулю унджинских мечетей. Если последующие работы в других районах Северного Таджикистана позволят установить что-либо подобное, то откроются заманчивые перспективы реконструкции средневековых, а возможно и более ранних зданий на основе строительного модуля. Такие перспективы могут осуществиться лишь при условии активного и целенаправленного изучения этого исчезающего вида архитектурных и культовых памятников всего Среднеазиатского региона.